

Суд вынес окончательный приговор по делу об аварии на перекрестке в округе Дун. Водитель по фамилии Лю, будучи в нетрезвом состоянии, сбил Янь Мэй на пешеходном переходе, от полученных травм та скончалась. Виновного приговорили к лишению свободы сроком до трех лет и обязали выплатить компенсацию в размере трехсот тысяч юаней.

Уладив дела, связанные с похоронами сестры, Янь Фан забрала Янь Мин Юй к себе домой.

— Мин Юй, теперь ты будешь жить с нами, слышишь?

Янь Мин Юй кивнула, глядя на тетю, которая заметно осунулась, и почувствовала, как к горлу подкатил ком.

— Твоя сестра через пару дней возвращается на дополнительные занятия в Первую городскую, свободную комнату мы еще не успели подготовить, так что пока поспишь в её спальне... Кстати, уведомление о зачислении уже пришло? — Янь Фан говорила, выкладывая продукты из холодильника.

— Пришло, Первая городская.

Результаты экзаменов совпали с её пробными тестами, особых отклонений не было, так что поступление в Первую городскую было делом ожидаемым.

— Вот и отлично. Будете тогда с Сяо Сюй жить вместе, ходить в школу и обратно вместе, присматривать друг за другом. Если бы Янь Мэй знала, что ты поступила, она бы наверняка...

Она не договорила, и в комнате повисла тяжелая тишина.

— Прости, Мин Юй. Тетя будет о тебе заботиться, отныне вы с Сяо Сюй для меня как родные дочери. — Янь Фан отвернулась и украдкой смахнула слезы тыльной стороной ладони.

Ночь была тихой, лишь изредка доносился шум проезжающих вдали машин. Кондиционер прерывисто выдувал прохладу, а тиканье часов убаюкивало. Янь Мин Юй ни о чем не думала и вскоре провалилась в тяжелый, дурманный сон.

В последующие два месяца Янь Мин Юй больше не слышала имени матери. Она переехала к Цин Сюй, а тетя записала её на подготовительные курсы, чтобы она могла заранее начать осваивать программу старшей школы.

— Да как угодно.

— Проголодалась? Пойти приготовить что-нибудь?

Цин Сюй, заметив её растерянный вид, невольно улыбнулась — такая сонная и по-детски непосредственная. Она протянула ей салфетку и, не сдержавшись, прыснула:

— Да нет же, ничего нет.

Продукты полетели в сковороду, масло зашипело, и аромат из кухни просочился в щели, наперегонки пробираясь в нос Янь Мин Юй. Услышав щелчок выключаемой плиты, та послушно отошла от балкона и пошла помогать на кухню.

— Со следующей недели начинается военная подготовка. Вам уже выдали форму? — Цин Сюй подула на горячий суп из пекинской капусты.

Внезапный переезд в дом Цин Сюй и постоянная забота с её стороны заставляли Мин Юй чувствовать себя неловко, не говоря уже о том, чтобы просить о чем-то еще.

Квартира в центре города была небольшой, около сорока квадратных метров. Слева от входа находилась крошечная кухня, где едва мог развернуться один человек. Дальше стояла большая кровать и балкон. Рядом с панорамными окнами был расстелен ковер, на нем стоял маленький круглый столик и два стула, а в углу притаился мольберт. Возле балкона располагалась ванная комната, дверь которой находилась всего в метре от кровати.

— Закончила? — спросила Цин Сюй, увидев, что та вошла.

Часовая стрелка неспешно описывала круги, словно капли дождя, падающие на водную гладь и создающие бесконечные ряды ряби. Легкий ветерок шелестел листвой, один сухой лист плавно отделился от ветки и невесомо опустился на зеркальную поверхность воды. Луна поднялась высоко и спряталась за облаками, заигрывая со звездами.

Янь Мин Юй решала математические задачи и то и дело поглядывала на кухню. В такие моменты ей казалось, что она снова дома. Мама хлопочет на кухне, готовя обед, а она тихонько сидит за столом, делая уроки. Совсем как сейчас.

Цин Сюй положила книги на стул и включила кондиционер.

Насыщенная учеба заполнила пустоту, оставленную утратой, и Мин Юй, казалось, забыла о случившемся, спокойно и уверенно начав новую жизнь в старшей школе.

Проснувшись глубокой ночью, Янь Мин Юй почувствовала сухость во рту. Она потянулась к тумбочке, но привычного стакана там не оказалось.

— Почти, учитель задал немного.

— Пить хочу.

Янь Мин Юй слегка опешила: — Спасибо, тетя.

Обе, понимая друг друга без слов, взяли палочки и принялись расставлять тарелки.

Янь Мин Юй заметила у Цин Сюй на ладони рисинку, тотчас покраснела и потерла тыльной стороной ладони уголок рта.

Инстинктивно Янь Мин Юй прошептала: — Мама...

Янь Мин Юй кивнула, села на стул и, расстегнув рюкзак, достала тетради.

— Не забудь постирать форму перед тем, как надеть. И еще стакан для воды — погода жаркая, а на военной подготовке в Первой городской довольно строго, смотри не получи тепловой удар.

Раздался шорох ткани, и Янь Мин Юй услышала чей-то голос: — Что случилось?

— Тогда делай уроки, закончишь — позовешь, — Цин Сюй говорила мягко, с улыбкой в глазах, и потянулась взъерошить её волосы.

Обе лежали спиной друг к другу, на своих подушках, укрывшись своими одеялами. Янь Мин Юй закрыла глаза, сложила руки под щекой и подтянула ноги к груди.

Янь Мин Юй кивнула и продолжила сосредоточенно есть, вскоре дно тарелки показалось из-под риса.

Зачерпывая суп, она случайно поймала на себе взгляд Цин Сюй. Та смотрела и улыбалась. Мин Юй не поняла, в чем дело, и завороченно уставилась на неё, пытаясь понять, на что та смотрит. В момент, когда их глаза встретились, Цин Сюй улыбнулась еще шире и коснулась пальцами уголка её рта.

Янь Мин Юй через влажное полотенце подхватила кастрюлю с супом и перелила его в глубокую миску. Рядом уже была готова тарелка с помидорами, жареными с яйцом. Сковарка вовремя подала сигнал: рис готов.

На кухне зазвучал привычный бытовой шум: звон посуды, треск зажигаемой конфорки, ритмичные удары ножа по разделочной доске — в этих сорока квадратных метрах дышала жизнь.

Обстановка была простой, но чистой и опрятной.

По субботам Янь Мин Юй ходила на занятия в художественную студию, поэтому допоздна не засиживалась. Выйдя из душа, она увидела, что Цин Сюй оставила для неё у кровати ночник. Мягкий свет наполнил комнату теплом, и сонливость навалилась мгновенно. Янь Мин Юй потеряла глаза, на цыпочках выключила лампу и легла рядом с Цин Сюй.

Чрезмерная близость заставила Мин Юй невольно втянуть голову в плечи.

— Хочешь чего-нибудь определенного?

— Янь Янь, будешь еще читать? — Цин Сюй взглянула на телефон — было уже полдвенадцатого, — заметив, что та направляется в ванную с пижамой и полотенцем в руках.

Ученики выпускных классов по субботам учились полдня, поэтому Цин Сюй, закончив вечерние процедуры, рано легла в постель, прислонившись спиной к изголовью и повторяя слова.

— Да, выдали, в рюкзаке.

— Ешь медленнее.

— Нет, сестренка, выключай свет, я буду потише.

Зажегся желтый свет ночника, послышалось шарканье тапочек, а затем звук воды, наполняющей стакан. В тишине ночи это казалось особенно отчетливым.

— Вот вода.

Янь Мин Юй проснулась от того, что силуэт, стоящий в свете лампы, пошевелился. Когда она коснулась стакана, глаза были еще закрыты. Сделав несколько глотков, она наконец разглядела, что перед ней стоит Цин Сюй.

Длинные волосы рассыпались по плечам, пижама была свободной, на лице читалась легкая усталость. Цин Сюй присела на край кровати и забрала пустой стакан.

— Сестренка?

Янь Мин Юй смотрела на неё, и лицо Янь Мэй, которое она видела в полудреме, внезапно исчезло. Её спокойное сердце словно накрыло штормом: слезы прорвали плотину, и та пустота, которую она так старательно заделывала, вновь обнажилась. В душе возникло чувство невосполнимой утраты. Она внезапно осознала одну вещь.

Мамы больше нет...

Оказалось, Цин Сюй была права. Когда человек переживает сильное потрясение, организм включает защитный механизм. Спустя три месяца защита рухнула. Янь Мин Юй чувствовала себя онемевшей, внутри была лишь пустота, но слезы текли непрерывно.

— Сестренка... мамы больше нет...

Цин Сюй подставила ей плечо и погладила по спине. Большого она сделать не могла. Янь Мин Юй рыдала, обняв Цин Сюй, не в силах вымолвить ни слова, лишь издавала болезненные всхлипы. Казалось, слезы, копившиеся три месяца, должны были выплакаться здесь и сейчас.

Тоска по матери, смешанная с нежеланием её отпускать, пропитала одежду слезами. В туманной пелене перед глазами Янь Мин Юй снова увидела образ матери.

Женщине не было и тридцати. Она с маленькой кожаной сумочкой, с волосами, уложенными в причёску, улыбалась и махала ей рукой.

— Пойдем домой, хочешь?

Не дожидаясь ответа, она радостно схватила маленькую девочку за руку и вывела из детского дома.

Она стирала, готовила, провожала её в школу, покупала любимые фломастеры и красивые платья, поощряла, хвалила, была рядом — она подарила ей безграничную любовь.

В вечер перед экзаменом она специально приготовила для дочери любимые яйца в сахарном сиропе и с улыбкой вздохнула: — Помню, когда я тебя впервые увидела, ты была такой крохой, с завистью смотрела, как другие дети едят конфеты, а теперь уже выше меня! Эх, старею, старею!

— Вовсе нет, мама для меня всегда самая высокая, самая молодая и красивая!

Они смеялись, и уютная атмосфера наполняла весь дом...

Последним воспоминанием был момент, когда она, торопясь, с пропуском в руках бежала к школьным воротам. И только тогда Янь Мин Юй заметила её поседевшие виски и отчетливые морщинки в уголках глаз.

Время украло её молодость, она не вышла замуж, а теперь её забрала смерть. Не оставив Янь Мин Юй даже шанса отплатить за доброту.

Как же это жестоко.

Янь Мин Юй растратила все силы в воспоминаниях, тяжелые веки и головокружение больше не позволяли держаться. Ночь постепенно погрузилась в тишину.

Проснувшись на следующее утро, Янь Мин Юй почувствовала, что глаза опухли так, что почти не открывались. Рядом было пусто, одеяло аккуратно сложено в ногах.

Встав с кровати, она почувствовала слабость и чуть не упала.

Часы на стене показывали половину девятого.

Художка начиналась в десять и длилась до трех. Если выйдет в полдесятого, как раз успеет.

Зайдя в ванную, она увидела записку на зеркале, написанную изящным почерком: Каша в кастрюле, в холодильнике пакет со льдом, приложи, завернув в полотенце.

Янь Мин Юй сняла записку, и на душе стало теплее. Выдавив пасту, она чистила зубы и одновременно искала свой альбом, чтобы вложить туда записку.

Цин Сюй была так добра к ней...

Янь Мин Юй считала, что ей сказочно повезло: мама любила её, тетя заботилась, сестра тоже была рядом. Воспоминания о жизни в детском доме казались пожелтевшими страницами, словно это было очень давно. Янь Мэй забрала её в новый дом, дала фамилию и имя — Янь Мин Юй.

Когда-то она спрашивала маму, почему её зовут Мин Юй.

Тогда мама погладила её по голове и терпеливо объяснила: — Потому что ясный дождь — это благословение небес, дар божий. Я хочу, чтобы ты была чистой и светлой, открытым и мягким человеком.

Весенний дождь, приносящий жизнь, ясный и нежный.

У Янь Мин Юй защемило в груди, она задрала голову, сдерживая слезы, и пошла на кухню за льдом, чтобы приложить к глазам.

Холод принес облегчение воспаленной коже век.

Позавтракав кашей, она собрала вещи и поспешила на занятия.

— Сдаем работы, сдаем! Последний ряд, помогите собрать! — староста по математике постучал по столу, призывая передать листы. — Эй, Ян Энь, хватит писать!

— Сейчас, сейчас! — сидевшая у окна девушка в последнем ряду еще несколько секунд неистово строчила, а затем, опередив старосту, вскочила и бросилась собирать бумаги.

— Фух, ну почему контрольная сразу после начала семестра!

Девушка с короткой стрижкой вернулась на место и, откинувшись на спинку стула, с тоской посмотрела в потолок.

Цин Сюй крутила в руках ручку, повернулась к ней с черновиком и поманила рукой: — Ян Энь, как ты могла ошибиться в первом же задании?

— А?

Ян Энь в изумлении наклонилась, вглядываясь в исписанный мелким почерком черновик Цин Сюй в поисках ответа: — Какое у тебя получилось уравнение регрессии в первом вопросе?

Цин Сюй указала на строчку, Ян Энь сверилась со своей тетрадью и пробормотала: — Все верно... Черт! Я во втором задании подставила не то уравнение!

Глядя на соседку, которая схватилась за голову, Цин Сюй усмехнулась, перевела дух и снова уткнулась в свои записи.

Двадцатиминутный перерыв между уроками был драгоценным временем для выпускников. Коридоры были забиты: одни бежали к учителям, другие в буфет, третьи просто вышли подышать или спрятались на лестнице для свиданий.

Староста, сдав листы, подошел к Цин Сюй и почесал затылок:

— Староста, Лунная Душа зовет тебя в учительскую!

— Поняла.

Цин Сюй закрыла ручку, поправила волосы и направилась к выходу.

Лунная Душа — так в WeChat была записана их классная руководительница. Фамилия Юй, преподает английский, за пятьдесят. Однажды она зашла в свой аккаунт через проектор в классе, и ученики решили, что этот ник идеально подходит её меланхоличному характеру. С тех пор весь второй класс называл её так за глаза.

— На следующей неделе у первокурсников военная подготовка. В пятницу на итоговом выступлении нужно слово от лица учеников. Решили отправить тебя и Хэ Цзиньсуна — вы лучшие по гуманитарным и точным наукам, будете примером для остальных... Текст выступления покажи мне до среды.

— Хорошо, учитель Юй. — Цин Сюй кивнула, но только собралась уйти, как её окликнули.

Обернувшись, она увидела, что классная сидит в кресле с озабоченным лицом, глядя на неё с сочувствием. У Цин Сюй похолодело внутри — она знала, что сейчас начнутся традиционные нравоучения. Так и вышло: учительница нахмурилась и принялась рассуждать о жизни.

— Цин Сюй, я в своем возрасте видела немало детей, которые ломались из-за семейных трагедий, проваливали экзамены, и их жизнь шла под откос. Это очень печально... Я хочу, чтобы ты была сильной, очень сильной, не давай событиям влиять на тебя. У тебя прекрасные оценки, честно говоря, я не переживаю, но если возникнут проблемы — всегда приходи ко мне.

Цин Сюй с серьезным видом слушала, кивая в нужных местах. Она поняла, что учительница намекает на недавнюю смерть её тети в аварии.

На самом деле она ничего особого не чувствовала. Ей казалось, что её эмоциональный отклик притуплен, даже поверхностен. Внешне она была вежливой, умной и приятной в общении, но это лишь маска, выкованная временем.

Когда родители развелись, она только пошла в начальную школу. Узнав, что мама не пойдет привычным маршрутом домой, она не стала расспрашивать, а просто молча пошла за ней в новое жилье и начала жизнь в неполной семье. Без слез, без истерик, без вопросов.

То же самое было со смертью бабушки, когда она перешла в старшую школу. Мама сообщила новость осторожно, но внутри неё не шелохнулось ничего. У неё не было с ними глубокой связи, к тому же дед, как и отец, почти не проявлял к ней интереса, она едва помнила его лицо.

Что до её биологического отца — выражение «волк в овечьей шкуре» подходило ему как нельзя лучше. В очках, при галстукке, безупречной рубашке и брюках, на людях он был сама вежливость, а дома избивал жену. Маленькая Цин Сюй тогда получила такую психологическую травму, что до сих пор испытывала страх перед взрослыми мужчинами. Поэтому, когда мама забрала её в новый дом, она испытала не грусть, а облегчение — наконец-то её не будут запирать в комнате и ей не придется волноваться за маму.

Несмотря на то, что неудачный брак родителей нанес ей незаживающие раны, она все еще надеялась и хотела верить в искренность людей.

Выходя из учительской, Цин Сюй думала не о покойной тете и не об отце, а об Янь Мин Юй, которая только что потеряла мать и была крайне уязвима.

Янь Янь вчера так горько плакала, как она сегодня? Хорошо ли себя чувствует? Поела ли кашу, которую она приготовила утром... Она жалела эту девочку, которая казалась такой хрупкой и беззащитной, что её хотелось оберегать.

Вернувшись в класс, она увидела группу ребят, спорящих из-за последней математической задачи.

Цин Сюй, не привлекая внимания, прошла к своему месту.

— Что хотела Юй? — Ян Энъ протянула ей печенье, продолжая что-то жевать.

Цин Сюй без церемоний взяла кусочек: — Ничего особенного, попросила подготовить речь для первокурсников на следующую пятницу.

— О, лучший гуманитарий школы! Будешь делиться секретами успеха? Пусть младшеклассники посмотрят на идеал!

Ян Энъ показала большой палец, а затем изобразила жест глубокого почтения. Цин Сюй отмахнулась и достала тетрадь с задачами для следующего урока.

— Не преувеличивай, просто приветственная речь, не более.

<http://bllate.org/book/18854/1838540>